

ГПБ Басов Н.П.

T-406

Государственная
Публичная Библиотека
им. М.Е. Салтыкова-Щедрина
в Отечественной войне.

22-VI-31-XII-1941 г.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА им. М. Е. САЛТЫКОВА-ШЕДРИНА
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ / 22/VI-31/XII-1941 года /.

Июнь месяц - переломный в работе библиотеки.

К концу июня значительно сокращается об"ем работы; читательские места уже не берутся с боя; нет очередей у входных дверей; сотрудники библиотеки не сбиваются с ног, чтобы ликвидировать очереди, успокоить разнервничавшего читателя, дать книгу, справку, совет...

Лето - время отдыха и отпусков.

Уже с первых чисел июня месяца значительная часть библиотекарей выезжает на дачи, в дома отдыха, санатории.

Одна из старейших библиотекарей Екатерина Федоровна Проскурякова, уже в мае месяце ежегодно проводит свой двухмесячный отпуск на Волге, плавая на пароходе от Рыбинска чуть ли не до Астрахани. Она любит блестящую чистоту кают, ритм корабельной жизни, плывущие мимо парохода волжские села, стоянки у пристаней больших городов, когда можно, напр., в Саратове или Куйбышеве забежать в библиотеку, повидать знакомых, поговорить о библиотечных делах, что-либо новенькое из библиотечного опыта привезти в Ленинград, кое-что, может-быть, дать друзьям из своего богатого опыта библиотечной работы в Ленинграде.

В семьях библиотекарей было огромное оживление в июне 1941 года. Дирекция библиотеки организовала дачу в Куоккала. Ряд семей руководящих работников библиотеки выехали или должны были выехать на дачу, к морю, в лес, к грибам, ягодам, к солнцу. Ребята, уже загорелые пропеченные солнцем, готовили удочки и другие охотничьи снасти, строили планы, мечтали о прогулках, жуках, птицах и цветах, о купаньи в море, о пляже и о тысячах

других вещей. Взрослые заняты были хозяйственными проблемами, немного ссорились при распределении комнат, неудачливые завидовали удачливым, удачливые с легким презрением относились к неудачливым с тем, чтобы в конце концов в течение двух-трех дней сжиться, столковаться, друг другу уступить и зажить единой крепкой семьей.

На дачу выехали члены партбюро, ученый секретарь т. Егоренкова, зам. Директора по хоз. части т. Марин и другие.

Много ответственных работников уехало в дома отдыха и санатории.

Жизнь в библиотеке, как обычно ежегодно в это время, постепенно затихала.

Наступило утро 22 июня. В домах отдыха в Новом Петергофе в ночь с 21 на 22 июня несколько отдохавших там библиотекарей сидели в верхнем парке и мирно беседовали. Была прозрачная белая ночь, пропитанная мерцающим серебром. Беседа шла вполголоса: не хотелось нарушать мирного спокойствия белой ночи.

Вдруг воздух потрясли взрывы где-то в море, около Кронштадта.

- Слышите взрывы? С какой стати ночью, когда в десятках домов отдыха спят сотни отдыхающих, производится учебная стрельба? Неужели нельзя это дело организовать днем? - недовольным голосом сказал один из собеседников.

Взрывы продолжались. Очарование белой ночи как-то сразу прошло. Беседа сама собой почему-то прекратилась. Все разошлись по своим комнатам.

Утро 22 июня было отличное. Парк и море были облиты золотом солнца.

Хотелось скорей съесть завтрак - и в парк гулять, дышать свежим воздухом, купаться в солнце. Или - сидеть в парке на

солнечной стороне, закрыв глаза - и ни о чем не думать.

Время шло к полудню. Вдруг по радио диктор громко предупредил о предстоящем выступлении Вячеслава Михайловича Молотова.

Море людей в парке пришло в движение. Все потянулись поближе к дворцу, чтобы лучше слышать слова Наркома по иностранным делам.

Чувствовалось, что что-то особо важное, исключительное услышат сейчас массы людей, собравшихся у дворца - и везде, всюду, во всем Союзе.

Через несколько минут началось выступление Вячеслава Михайловича.

Все замерли, вслушиваясь в каждое слово.

Когда Вячеслав Михайлович стал называть пункты, на которые немецкие фашисты вероломно напали и сбросили бомбы, все пришло в движение - гул негодования пронесся по парку.

- А мы думали, что ночью была учебная стрельба. Ведь, это, вероятно, фашисты сбрасывали смертоносный груз где-то недалеко от нас, - сказал библиотекарь, ночью сетовавший на "учебную" стрельбу.

Выступление Вячеслава Михайловича закончилось.

Через час-полтора на станции Новый Петергоф - тысячи людей; места в электричке берутся с боя; все спешат в Ленинград.

Ясно: мирная жизнь, отдых, отпуск - кончились.

Началась война, которая потребует огромного напряжения воли всего народа. Противник очень силен: он много лет готовился к войне.

Библиотечная дача в Куоккала - разрытый муравейник.

Еще утром до выступления по радио т. Молотова распространился слух о том, что фашистская Германия предательски напала

на СССР.

Слух был чудовищен, и принесшего его, т. Марина, стали на даче стыдить и корить за распространение провокационных слухов.

Но потом слух стал действительностью, и все направились в Ленинград. Всем хотелось быть вместе, обменяться мнениями, узнать новости, подробности, получить указания, как теперь в совершенно новых условиях работать. Главное — быть вместе, в коллективе.

В первые часы и дни люди вдумывались в происшедшее, чувствуя, что события — грандиозны, что предстоит неожиданности, трудности.

Но над всем этим билось могучее русское сердце, сердце русского народа, сумевшего сплотить народы Союза за годы организации и укрепления советского государства.

Все библиотекари — даже те, которые ранее не умели или не хотели думать политически — стали большими политиками, их внутренние горизонты расширились; они вышли из своей личной узенькой скорлупы; они стали патриотами.

Враг пришел на нашу землю; враг несет порабощение; враг ненавидит и презирает русских; враг будет беспощаден — вот мысли, которые, питая чувство патриотического под"ема, руководили сознанием и поступками библиотекарей.

Заговорили — и заговорили гневно ранее обычно молчавшие и скупавшие на собраниях; они шли с вопросами и требовали решительных и точных ответов.

Сразу определились задачи парт организации по агитации и пропаганде.

Надо было раз"яснять происходящие события, рассеивать недоумения, воспитывать твердость духа, решимость, патриотизм, звать на борьбу на фронте и в тылу, укреплять организованность, бдительность и дисциплину.

Нападение фашистов на СССР пронизало электрическим током весь библиотечный коллектив.

Многие библиотекари приходили в партбюро и в дирекцию и предлагали себя использовать на любой работе, нужной для организации обороны. Приходили библиотекари со стажем 25, 30, 40 лет, не знавшие ранее ничего, кроме книг и работы с книгой, и требовали использовать их даже на физической работе, в охране фондов и. т. д..

Все горели на работе; вносились предложения, пожелания; давались советы.

Самая текущая библиотечная работа перестраивалась в сторону первоочередного обслуживания военных специалистов /военных инженеров, военных врачей, политический состав и. т. д./

Особое значение в новых военных условиях приобрела охрана здания библиотеки и ее книжных и рукописных фондов.

Возможность вражеских налетов на Ленинград сделалась совершенно реальной. Надо было перестроить противопожарную охрану. Пожары могли бы уничтожить ценнейшие уникальные собрания библиотеки, которыми библиотека завоевала одно из первых мест в мире. Среди общей массы книжных и рукописных фондов /около 10 миллионов единиц / библиотека в своем составе имела богатейшее собрание рукописей, инкунабулов, Альдов и Эльзевиров первопечатных книг на славянском языке и книг гражданского шрифта Петровских времен, личную библиотеку Вольтера, купленную в свое время Екатериной II и затем переданную в Публичную библиотеку, редчайшие собрания эстампов, нот и картографических материалов, такие уникальные коллекции, как "Роман" / т.-е. собрание произведений печати на иностранных языках о России /, коллекцию русских книг "Вольная Печать" / т.-е. собрание книг, подвергшихся преследованию при старом режиме со стороны царской цензуры, общих судов и админи-

стративных властей/ и.т.д.

Надо было эти памятники мировой культуры и революционной борьбы поставить в такие условия, которые обеспечили бы их сохранность не только в качестве "имущества" Государственной Публичной Библиотеки, но и — а это главное — в качестве величайших памятников культурно-политического роста всего человечества, его истории и развития от древнейших времен до нашего времени.

Было решено засыпать песком все чердаки библиотеки в главном здании и филиалах над книгохранилищами и теми помещениями, где хранились основные библиотечные документы /каталоги и.т.д./.

В течение 27 дней с утра до позднего вечера шла работа по засыпке песком чердаков.

Весь коллектив библиотекарей, пока еще не удалось достать механических под"емников, работал вручную, образовав две цепи, по одной из которых подавались ведра с песком, а по другой возвращались пустые ведра к месту загрузки их песком.

Работали с огромным под"емом. Тов. Сиротенко, библиотекарь I разряда, в течение десяти-двенадцати часов ежедневно, как машина, работала по подаче груженных песком ведер ^{при} температуре более 25 градусов выше нуля, быстро, четко, не утомимо. За ней подтягивались другие, заражаясь ее энергией и четкой быстротой работы. Прекрасно работали старейшие библиотекари — т. Соловейчик, т. Слонимский, т. Меженко, Орловская и десятки других. Прекрасно работала молодежь. Тов. Закашнова, т. Макарова, Тотт и другие отдавая все свои силы работе, понимая, как важна эта работа и как важно выполнить ее в кратчайший срок.

Больше 3.200 кубометров песку было поднято на чердаки.

Далее, было решено окрасить суперфосфатом деревянные чердачные перекрытия. В этой работе также принял участие почти весь библиотечный коллектив. Главный библиотекарь т. М. Гордон в спецовке

не по росту, весь облитый суперфосфатом, с огромной кистью в руке целыми днями сперва под руководством маляра т. Смирнова, а потом самостоятельно красил деревянные перекрытия. Ему помогали аспиранты библиотеки, научные сотрудники, библиотекари. В течение, примерно, месяца работа эта была закончена.

Одновременно силами библиотечного коллектива проводилась светомаскировка верхних этажей библиотеки.

Наконец, огромная работа была проделана по подготовке к эвакуации ценнейших фондов из Ленинграда.

Нужно было не только упаковать уже собранные в отдельном месте фонды /напр., инкунабулы, и др./ но и провести большую выборочную работу, напр., по фонду русской книги. Все без исключения библиографы, хорошо знающие русскую книгу, /т.т. Егорова, Садова, Слонимский, Петровская, Игнатъев и целый ряд других/, помимо текущей работы обслуживания читателей и не считаясь с продолжительностью рабочего дня, по каталогам, справочникам и на основе ^{или} личного знания и опыта, составляли списки: ценнейших русских изданий, ^{или} разыскивали их по каталогам, отмечали шрифты, снимали книги, проверяли, составляли библиотечные документы на окончательно отобранные книги и паковали их в ящики.

Даже ночами на библиотечных дворах стучали молотки, слышались распорядительные голоса.

Аспиранты библиотеки /Менц, Кожевников и др./ сколачивали ящики, когда заготовленных и завезенных в библиотеку ящиков не хватало.

До изнеможения работали библиотекари т.т. Умкян, Соловейчик, Кнзевская, Добрина и десятки других. Уставшие люди не чувствовали усталости, были веселы и бодры; молодежь работала с песнями. Это была атмосфера огромного трудового и патриотического подвига. Спасти памятники культуры от фашистов было целью и политическим

лозунгом для каждого. Было подготовлено к эвакуации и эвакуировано 17 вагонов. Работа производилась с 28 июня по 17 июля.

Наряду с этими работами были развернуты и другие.

В течение, примерно, 20 дней часть фондов из верхних этажей была перенесена в нижние, некоторые фонды и генеральные каталоги перемещены в подвальные помещения библиотеки, а читальные залы переведены в первый /нижний/ этаж.

Эти работы также были сделаны силами библиотекарей.

Огромные и разнообразные работы, вызванные обстоятельствами военного времени, не нарушили, однако, текущей библиотечной работы. И не только не нарушили этой работы, но, наоборот, сделали ее более организованной, слаженной и эффективной. Основные библиотечные кадры еще глубже прониклись чувством библиотечного долга и в свою работу вложили всю свою добросовестность и преданность библиотечному делу.

Заведующий рукописным отделом Иван Афанасьевич Бычков, член-корреспондент Академии Наук СССР, совсем недавно отпраздновавший шестидесятилетие своей работы в рукописном отделе библиотеки, ежедневно в точно назначенное время приходит в библиотеку на работу и, не тратя ни минуты напрасно, неустанно занимается рукописями.

Уже когда немцы стали бомбить Ленинград, можно было на проспекте 25 Октября около 9 часов встретить старца в осеннем старомодном пальто, в новых не по ноге галошах, с огромным дождевым зонтом и в шляпе фасона середины XIX века, идущего по направлению к ул. 3 июля - в библиотеку. Он очень стар, ему 83 года. Он идет под руку со своей женой, Марией Константиновной. Гудят сирены. Видно, как Мария Константиновна уговаривает Ивана Афанасьевича Бычкова / это - он / , видимо, зайти в укрытие, переждать тревогу. Иван Афанасьевич машет рукой; он с чем-то не соглашается, тинет

руку Марии Константиновны за собой, а сам медленно, но прямо движется к библиотеке. Его ждет работа, он не может опоздать; он за 60 лет работы никогда не опаздывал, не опоздает и сейчас. Слышны взрывы. Улицы пустынные. Бьют зенитки. Иван Афанасьевич на служебном посту — и только приказ его начальника может обязать его уйти в газубежище.

В это время на библиотечной вышке дежурит т. Закашнова. Ей 18 лет. Осколки зенитных снарядов бьют по крыше, попадают и в вышку. Страшно. Недалеко немцы спускают свой смертоносный груз. Страшно, но, стиснув зубы и губы, она всматривается в горизонт, твердо берет телефонную трубку и передает донесение в штаб. Внутренняя собранность и дисциплина побивает чувство страха, вырабатывает привычку к спокойствию в работе, а потом, через некоторое время, чувство страха уже не посещает ее.

Она совсем маленькая. Волосы сзади перевязаны ленточкой — и это делает ее еще моложе своих лет. Между бровями у нее твердый, упрямый склад. Она вся пронизана чувством долга и сознанием огромной важности работы, которая поручена ей. Она — взрослый, дисциплинированный, исполнительный работник. Она — боец унитарной команды. Она понимает, что делает своей работой вклад в оборону Ленинграда, в защиту его от врага.

В библиотеке — посты унитарной команды. На ее своих местах бойцы отделений команды.

Когда сбрасывают немцы бомбу и где-то в земле расплывается гулкий толчок, кое-кто вздрагивает. Новая масса серьезна и внимательно слушает беседу политрука команды т. Филиппова.

Каждое приказание выполняется толково и быстро.

Начальник штаба — т. Григорьянц Т. С. — несмотря на внутреннее волнение, спокойно, твердо отдает приказания, проверлет выполнение приказа. Она следит за тем, чтобы во время командиров послали

смену, чтобы каждый боец знал и понимал свои обязанности и данную конкретную задачу. Она строга там, где это необходимо. Но она — старший товарищ, и нет той неприятной формальной грани, которая обычно отделяет подчиненных от начальника, ослабляя сплоченность всякого коллектива.

Всю свою энергию и нервы она вкладывает в работу. Она еще очень молода, и ей надо не только руководить людьми, но и постоянно проверять себя. Она авторитетна, ее любят бойцы.

Война — это мобилизация. Часть библиотекарей была призвана в Красную Армию в первый же день / т. Жуков и др. /.

Но война — это большой патриотический порыв, когда каждый, способный носить оружие, чувствует потребность с оружием в руках защищать свою родину.

В ряды народного ополчения и добровольно в Красную Армию записались все библиотекари кроме Арутюнова, Мхитарьяна и Кривенцова. Некоторые из добровольцев погибли в боях. Погиб Григорий Михайлович Ершов, второй секретарь партбюро библиотеки, погиб Василий Васильевич Агафонов, зам. Директора по хозяйству, погиб Борис Лукич Агафонов, председатель месткома.

Григорий Михайлович Ершов — образец скромного коммуниста, скромного в работе, жизни, в борьбе и смерти. Жизнь тяжелую в молодости прожил он. Став на ноги, он бедствовал, жил случайным заработком, голодал, служил в столовой при уборной, разрезая на аккуратные квадратики газетную бумагу для посетителей уборной. Затем — Октябрьская Революция, работа на заводе, перековка всего сознания, женитьба, дети, коммунистическая партия. Новая жизнь заново переделала Григория Михайловича, сохранив в нем все хорошее — и прежде всего огромную скромность.

Григорий Михайлович любил жизнь очень, любил жену, детей, любил товарищей, любил веселье и радость, любил работу.

Внутренних конфликтов у него не было. Сердце у него было простое и ясное.

Как-то он со своим товарищем отдыхал летом на Сиверской.

Гуляя однажды после обеда со своим товарищем по сиверским просторам, после долгого молчания, с тихой грустью он сказал: "Знаешь, Николай Петрович, молодость и особенно детство у меня были тяжелые. Больше, чем кто-либо, я чувствую заботу Советской власти и партии о детях. Мои дети не знают того, что испытал я - и я счастлив от этого. Мои дети будут счастливы, когда станут взрослыми, потому что и детство их счастливое. Как хорошо это сознавать!". Он задумался. Лицо у него было ясное, глаза блестели. "Жить, жить и жить. Как хочется жить, как прекрасна жизнь!

В августе 1941 г., через год после этого разговора, Григорий Михайлович был тяжело ранен в бою с фашистами, скончался и был похоронен на опушке леса около одной из деревень в Лужском районе.

Он был пулеметчиком - добровольцем. Он ушел на фронт скромно, без шума, ни минуты не думал о том, что этим совершил подвиг. Он сделал это просто потому, что так, именно так он должен был сделать.

На призыв партии откликнулся аспирант библиотеки Евгений Иванович Кожевников и добровольно вступил в ряды Красной Армии. В связи с этим он поставил вопрос о вступлении в ряды членов ВКП/б/. Парторганизацией Библиотеки он был принят в кандидаты партии.

Тов. Кожевников - участник войны с белофиннами.

Свою жизнь он отдал библиотечной работе; долгое время он работал в библиотеке молодежи /филиал ГПБ/, затем руководил литературным пунктом Общего читального зала. Знаток художественной литературы, хорошо владеющий библиографическими справочниками, чуткий к читательским запросам, серьезно образованный, т. Кожевников был образцовым советским библиотекарем.

Вместе с т.Кожевниковым ушли в Красную Армию добровольцами т.т.Кобахидзе и Месеняшин. Они также приняты в кандидаты ВКП/б/.

В истребительные отряды ушли библиотекари: т.т. Эйдельман, Морачевский, Никольский и Стругацкий.

Семь женщин - библиотекарей ушли в армию медицинскими сестрами.

После партсобрания 30 июня 1941 года, все члены и кандидаты ВКП/б/ подали заявление об отправлении их на фронт.

Помощь фронту выразилась и в перестройке всей работы библиотеки.

Большие выставки в здании библиотеки были заменены небольшими актуальными передвижками в госпиталях, воинских частях, агитпунктах, пунктах рабочих отрядов и ВСЕВОВУЧ"а. Было организовано более 30 выставок.

Кроме того, из основных фондов библиотеки систематически производилось докомплектование библиотек военных госпиталей и других военных учреждений.

Для докомплектования было выделено более 6.000 томов. За эту работу получили благодарность т.т. Ададунова и Баранова.

Перестроилась и библиографическая работа.

Тематика библиографических запросов сконцентрировалась около таких, напр., тем, как "морские десанты и их инженерное обеспечение", или "маскировка городских железных дорог", или "метеорология в военном деле" и т.д. и т.д.

Изменились и темпы обработки библиографических запросов: что раньше делалось в I-I 1/2 месяца, стало выполняться в I-2 дня.

Библиотека в целом: своими людьми, работой, общественно - политической жизнью, внутренней организацией и распорядком рабочего времени полностью повернулась лицом к фронту.

Собрания, митинги, заседания партбюро, общие собрания членов и кандидатов ВКП/б/ заняты были основными волнующими всех вопросами дня - вопросами обороны Ленинграда и помощи фронту.

Агитколлектив, его раз'яснительная работа, занят был поддержанием на высоком политическом уровне того патриотического энтузиазма, который сказывался у всех и во всем.

В результате работы среди библиотекарей отчисления в фонд обороны ежемесячно составили 19.153 р.; библиотекари пожертвовали 91,78 гр. золота, 3,09 кгр. серебра, 0,9 гр. драгоценных камней, 21,2 кгр. цветных металлов, на 40,190 р. различных займов.

Для бойцов и командиров Красной Армии была организована ремонтно-пошивочная мастерская. Сшито нового теплого белья из материалов сотрудников - 70 ед., отремонтировано /починено и перешито/ белье, пожертвованное сотрудниками - 14 ед.; связано и починено шерстяных вещей - 53 ед., сшито и починено теплых вещей /ушанки, телогрейки, теплые портянки и т.п./ - 73 ед.

В результате раз'яснительной работы агитколлектива размещение билетов денежно-вещевой лотереи дало прекрасные результаты.

Подписался весь наличный состав библиотекарей. А т.т. Вейс и Измайлова, напр., подписались даже на ⁶¹20% зарплаты.

Ныне покойная т. Измайлова пришла к руководителю агитколлектива т. Басову и сказала: "Русские матери горды тем, что их сыновья дерутся с немцами за свою родину. У меня детей нет. Жаль. Ценные вещи я отдала государству. Подпишите меня на 200% заработка на лотерею. У меня останется немного денег, но мне хватит прожить."

Всегда молчаливая т. Вейс, скупая и экономная, после длительных бесед с ней подписывалась на наши займы в крайне скромных суммах.

Некоторые "прозорливцы" поговаривали о ее несоветских

настроениях. Началась война. Лопнули в ней какие-то внутренние скрепы. Бывшая начальница правительственной гимназии раскрыла себя полностью. У нее появился живой интерес к событиям; газета стала ее другом, а политические темы — ее страстью. Продвижение немцев на восток вызывало в ней печаль, наши удары — радость. А надо всем этим господствовала ее глубокая вера в нашу победу. О победе она говорила взволнованно и горячо.

Она подписалась на билеты денежно-вещевой лотереи на 20% своего очень скромного заработка.

А, с другой стороны, активный профработник, главный библиотекарь А.Н. Шлосберг, всегда выступавший на собраниях с призывами и лозунгами большого значения, коривший пассивных, поднимавший на щит активных, — вдруг замолк, отошел от работы, потерял свою былую речистость. Политически он ушел в кусты.

Когда его спросили, подпишется ли он на денежно-вещевую лотерею, смысл и значение которой ему, конечно, понятны, он промямлил: "Да, знаете, я не прочь". Живется только мне трудно. Смогу подписаться только на 1% — и то, поверьте, с трудом... Знаете, у меня племянница нездорова."

В помощь фронту проделана большая работа в госпиталях, где систематически работали 35 библиотекарей. В госпитале № 2011 работают бойцы рабочего отряда библиотеки, в госпитале № 7071 работа возглавляется комсомольской организацией библиотеки.

Прекрасно работают по уходу за ранеными т.т. Соловейчик и Франкфурт, бойцы рабочего отряда библиотеки. Хорошо работает в госпитале на библиотечной работе т. Тракаль.

Огромную работу проделали библиотекари на оборонных стройках летом 1941 года.

Всего на стройках работало 399 человек. Они отработали 8.849 рабочих дней.

В разных пунктах и разных условиях приходилось работать библиотекарям.

На реке Тигоде, напр., пришлось испытать и томительную жажду, и голод в течение двух суток, и, как ни странно, холод.

В самый разгар работ началась гроза с ливнем. Все промокли до костей; продукты, взятые с собой размокли. Все бросили ~~бросили~~ ³ размякшие хлеб, сахар и пр., чтобы было легче идти в ближайший совхоз "под крышу".

В совхозе разместились в коровнике, сараях. Скопилось около 2.000 работавших на стройке. Надо было высушиться, хоть немного отдохнуть и идти за 3-4 километра к перевозу через р. Тигоду. Кое-как обсушились, доели оставшиеся продукты и пошли к перевозу. Здесь партия библиотекарей в 126 чел. разделилась на 2 части: 85 чел. подлежали эвакуации в Ленинград, так как остались без обуви и теплой одежды или одежд, а остальные должны были возвратиться на место работ.

Уезжавшие в Ленинград расположились лагерем у железнодорожной насыпи, куда должны были подать два-три железнодорожных состава. Продуктов не было; нельзя было подвезти их со станции - не было транспорта. Все скудные наличные продукты были взяты на учет; стали в окрестностях искать какую -нибудь еду за деньги. Поиски, однако, не увенчались успехом. Началась первая голодовка. Настроение, однако, не падало, несмотря на то, что после дождя и грозы резко упала температура - и стало холодно.

На вторые сутки лагерной жизни днем брежним полетом пролетел над лагерем немецкий самолет. Начавшаяся было паника быстро улеглась.

Еще через сутки подали поездные составы - и библиотечная партия вернулась в Ленинград. Работали наши партии в Заклинье под Лугой, в Красном Селе и др. местах.

Библиотекари побывали и под обстрелом, и под авиабомбами. Когда это было впервые, чувство страха посещало не одного библиотекаря. Но потом привыкли. Научились во время рассредотачиваться и маскироваться. Райисполкомом, как ударники строек, были отмечены т. т. Морачевский, Эйдельман, Марин, Круглова, Гончаров.

В конце года в библиотеке создалась грозная обстановка.

Как-то сразу обнаружилось, что библиотечные кадры оказались под угрозой физического вымирания от истощения.

Дистрофия начала свою опустошительную работу.

Библиотекари-старики, за очень редким исключением, быстро стали впадать в дряхлость, перестали думать о чем бы то ни было, кроме еды. В библиотеку они стали приходить загруженными разными банками, с рюкзаками за плечами и "авоськами" в руках. Единственной темой разговора стала еда, единственной страстью — еда, единственной целью в жизни — также еда.

— Иван Иванович, а Вы пробовали столярный клей? Он хорош с лавровым листиком; надо только его обязательно на ночь намотить, — обращается один старейший библиотекарь Николай Васильевич Смирнов к другому, тоже старейшему, Ивану Ивановичу Яковкину.

Иван Иванович смотрит на говорящего блестящими глазами и чувствует, как у него начинает сосать под ложечкой.

— Да, — продолжает Николай Васильевич, — из столярного клея получается настоящее заливное. Говорят, что клей очень полезен, вполне заменяет мясо. А достать трудно. Знаете, Иван Иванович, спасение — в мясе. Я три раза ходил к воротам ветеринарной лечебницы, чтобы купить или обменять собаку. Кто не может прокормить собаку, ведет ее в лечебницу, чтобы усыпить. И знаете, никто не согласился продать или променять пса. А одна старушка пригрозила мне милицией.

Иван Иванович смотрит через голову Николая Васильевича и

думает какую-то свою крепкую думу. Может — быть, идея Николая Васильевича не так уж плоха — надо только было действовать по другому.

Старики резко обрывают беседу и с почти юношеской легкостью бегут в очередь за тарелкой супа.

В другом углу в разговоре развивается та же тема.

— Я уже съела золотые часы и заграничный джемпер. Сейчас ем шелковое белье, тоже заграничное. Знаете, дорогой, спекулянты обдирают нас, но что бы я делала без спекуланта? — слышится из темного угла шопот старушки, укутанной с головы до ног в платки и старенькую шубу, которые, видимо, многие десятилетия лежали в нафталине на дне сундуков.

— А, я, — слышится из другого угла, вчера ел настоящую пшенную кашу и при том в количестве большом: к моему жильцу с фронта приехал товарищ — ну, меня и угостили.

Головы нескольких человек поворачиваются в сторону говорящего. Кое-кто завидует, кое-кто думает: "Наверно, врет."

Много также потребовалось от агитаторов и беседчиков, чтобы сбить эти настроения, отвлечь мысли от еды и от страха перед голодной смертью.

Некоторые библиотекари впали в маниакальное состояние и погибли жертвами своей мании.

Библиотекарь I разряда Алексей Владимирович Николаев, около 50 лет проработавший в библиотеке, одним из первых потерял душевное равновесие.

Его встречали у булочных, где он выпрашивал хлебные довески; он хитрил в столовой, чтобы получить вторую тарелку супу; он то шумно требовал еды, то униженно просил накормить его.

Когда он умер, то в его комнате нашли запасы продуктов; запасено было даже какао и вишневая настойка на водке, и при том в значительном количестве.

Старик, видимо, думал: будет еще хуже, я свое поберегу на черные дни, а сейчас еще как-нибудь прокормлюсь.

Но среди библиотекарей преклонного возраста были такие, которые сохранили бодрость и нашли в себе большую волю к жизни, не впали в дряхлость и маразм.

Екатерина Федоровна Проскурякова, председатель месткома, очень пожилая женщина, вечно в хлопотах: у нее по местному тысячи дел; она оформляет бюллетени, собирает членские профсоюзные взносы; она - в заботах о семьях призванных на войну; у нее с собой всегда ее канцелярия и касса; она пишет, считает, беседует, объясняет, ободряет. Она - вся полна жизни и самых разнообразных интересов. Дистрофии трудно воевать с ней.

Елена Васильевна Калинина также полна бодрости и жизни. Живет она литературными планами. Летом 1941 года была напечатана ее работа о Воронеже / I часть/. Елена Васильевна работает теперь над второй.

Но основные библиотечные кадры все же оказались под сильным ударом. Совершенно реально перед дирекцией и парторганризацией встал вопрос о мерах к сохранению основного библиотечного костяка. Было ясно, что вырастить новые библиотечные кадры для такой библиотеки, как Государственная Публичная Библиотека, в сколько-нибудь короткий срок невозможно.

За короткое время умерли главные библиотекари Банк В.Э., Слонимский И.И., Колубовский И.Я., Добрин Я.Б., Яковкин И.И. и ряд других.

Несмотря на огромное внутреннее сопротивление, стали сдавать такие библиотекари, как М.Э. Орловская и др.

Дирекция и парторганизация библиотеки приняли следующие меры:

I, добились выдачи карточек рабочей категории сперва для основных руководящих работников /22/, а затем еще 100 кар-

точек для среднего библиотечного состава;

2, добились организации стационара сперва на 12, а затем на 30 мест;

3, добились выдачи II академических пайков научному составу библиотеки.

Кроме того, от случая к случаю оказывалась помощь библиотекарям то единовременной выдачей ненормированных продуктов, то вызовом врачей к больным, то медикаментами, то предоставлением жилой площади в жилфонде библиотеки тем библиотекарям, которые либо пострадали от бомбежек, либо проживали очень далеко от библиотеки и.т.п.

Все это, в условиях тяжелого продовольственного положения Ленинграда, потребовало много настойчивости и энергии от директрис библиотеки Е.Ф.Егоренковой и секретаря партбюро Л.М.Филипповой. Почти каждое основное мероприятие надо было проводить через продовольственную комиссию Военного Совета. Большую помощь в проведении в жизнь этих мероприятий оказал Горком ВКП/б/.

Парторганизация библиотеки возглавила всю работу, быстро реагируя на основные события, возникавшие в библиотечной жизни.

Будучи сравнительно малочисленной, парторганизация и ее секретарь /сперва т.Ухмылова, а затем т.Филиппова, временно заменившая т.Ухмылову, уехавшую в длительную командировку/ сумели правильной организацией комсомольского и беспартийного актива твердо руководить массами и обеспечить проведение всех без исключения решений и постановлений вышестоящих организаций.

Это не значит, конечно, что работа шла плавно, без толчков, что на политическом горизонте организации не было облачков. Некоторые коммунисты, даже с дореволюционным стажем, размякли, отошли от работы, ушли в обывательщину. Директор библиотеки А.Х.Вольпер, в первое время войны как-будто не отстававший от

общего высокого политического уровня организации, примерно, в октябре месяце, после его демобилизации из рядов Красной Армии, совсем отошел от партийной работы и ничего не делал по советской линии. Он мог днями просиживать в библиотеке, ничего не делая. Он ни разу не зашел в Куйбышевский РК ВКП/б/ чтобы просить использовать себя на парторботе в районе. Он занимался только тем, что подготавливался к эвакуации в Мелекес. Так тянулось не один месяц. Наконец, он уехал. Парторганизация ничего не потеряла. Тов. Ежова, тоже старый член ВКП/б/, в течение всего времени добивалась эвакуации, добилась эвакуации и уехала. Парторганизация и в этом случае ничего не потеряла. Эвакуировалась и т. Сулова, секретарь комсомольской организации, в течение длительного времени добивавшаяся разрешения на эвакуацию. Но все остальные коммунисты остались на своих местах.

Парторганизация за время войны значительно выросла. Как сказано раньше, в кандидаты ВКП/б/ были приняты т.т. Кобахидзе, Месеняшин и Кожевников. Приняты также в кандидаты две комсомолки - т.т. Шарапова и Макарова, командиры унитарной команды. Та и другая всегда давали образцы дисциплинированности и исполнительности в работе и в библиотеке, и в унитарной команде.

К новому 1942 году наметился перелом в общем положении в библиотеке. Благодаря своевременно принятым мерам удалось сохранить большую часть их старых кадров библиотеки. Удалось сохранить все фонды.

Но библиотека все же понесла значительные утраты.

Умерла М. Э. Орловская, гл. библиотекарь, зам. заведующего отделом фонда и обслуживания, прекрасный работник с читателем, великолепный оперативный работник, с высоко развитым чувством библиотечного долга, всегда с энтузиазмом исполняющий любую,

даже "черную" библиотечную работу. Вне библиотеки у нее не было жизни. В военное время она даже переселилась в библиотеку. Она всегда в любое время дня и ночи - была на посту, готовая на любую работу.

Умер В.Э.Банк, знаток иностранного фонда и каталогов библиотеки, знавший все особенности чрезвычайно сложного механизма библиотеки, организацию ее фондов, историю, людей. Его имя, как библиотекаря было известно за границей. Умер И.И.Слонимский, библиограф русской книги, энтузиаст своего дела, прекрасно образованный библиотекарь, с огромным опытом. Умер Н.Д.Игнатьев, старейший работник б.отделения русской книги, "ходячий справочник" по морю русской литературы, собранной в библиотеке.

Но осталась молодежь и, так сказать, средний состав библиотекарей. Если несколько человек / 3-4/ с трудом могут быть заменены, то всех остальных заменит и уже заменила библиотечная молодежь.

Член ВКП/б/ парторганизации
Гос.Публ.Библиотеки:

/Н.Басов/

Н.Басов

9. IV. 1942 года.